



Наталія Доманчук

ЗОЛОТАЯ
СЕРЕДИНКА

Наталия Доманчук

Золотая серединка

«Автор»

2014

Доманчук Н.

Золотая серединка / Н. Доманчук — «Автор», 2014

Ирина - умная, красивая, но очень правильная, все делает как пишут в книгах и после совета с психологом. А ее мужу хочется обыкновенной женщины, а не заикленного робота. Таша - тоже и умная и красивая, но еще и наглая и знает себе цену. Ее муж мечтает, чтобы она стала тихой, покладистой и чтобы не устраивала истерики. Эти две молодые девушки случайно встречаются и решаются проучить своих мужей, которые вечно не довольны. Получится ли из "Фурии" и "Ботана" сделать "Золотую Серединку"? Не потеряют ли они себя во время эксперимента?

© Доманчук Н., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава первая	5
Глава третья	15
Глава седьмая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталия Доманчук

Золотая серединка

Глава первая

Я стояла у Москва реки, глотала слезы и рассуждала о том, как он мог ТАК со мной поступить.

На город опустилась темно-серая тюлевая завеса и покрапывал мерзкий, холодный дождь. Одной рукой я держалась за столб с дорожным знаком, где был нарисован белый квадрат Малевича, замурованный в красный кружок, а второй рукой вытирала слезы, которые застилали шикарный вид на реку и на Петра Первого в липипутской лодке. Петр махал мне какой-то желтой бумажкой и ехидно улыбался. Я отвернулась от него, смахнула слезу и заревев в голос пробурчала:

– Подлееееец!

Получилось очень мелодично.

Где-то неподалеку, справа, я услышала одобрение:

– Гнида!

Это сказала белокурая девчонка, лет восемнадцати. Я отмахнулась на нее, как от призрака, и села на бордюр, прямо под белым квадратом Малевича.

Она не спешила подойти ко мне, лишь глотнула какую-то бесцветную жидкость из бутылки и к «гниде» добавила «баран».

Я опять махнула рукой и дала понять, что мне абсолютно безразлично ее мнение и вступать со мной в дискуссию откровения сейчас не желательно. А сама попыталась справиться со слезами: они меня душили.

Белокурая девчонка подошла ко мне и, ещё раз отпив из бутылки, спросила:

– Ну и чего ты рассопливилась?

– Семь лет, – пробурчала я сквозь слезы, – семь лет я потратила на него...

Собеседница присела на бордюр рядом со мной:

– А у меня пять. Как в жопу всунула, – философски заметила она.

Я перестала реветь и подняла на нее глаза.

Рядом со мной сидела красавица: блондинка с губами Анжелины Джоли, ногами Наоми Кэмпбел и грудью Памелы Андерсон. Если моя внешность и мои пропорции годились только на картину времен Рубенса, то внешность и пропорции Барби смело позволяли ей влезть на икону. На ней были голубые джинсы, порванные на коленках и желтая моднячая курточка. «И как она ходит с такими ободранными коленями?» – подумала я, но вслух, пренебрежительным тоном сказала:

– Вот именно такую, как ты, ему и надо.

– Чего? Какую такую? – скривилась блондинка.

– Такую худую, чтоб вся просвечивалась, чтоб в рваных джинсах ходила, чтобы пила с ним это... что ты там пьешь? – я кивнула на почти пустую бутылку.

– Мартини, – уточнила блондинка.

– Вот-вот. Чтоб выражалась неприличными словами... вот кто ему пара... хочешь, подарю?

– Да иди ты в жопу со своим подарком!

– Вот-вот, – я опять начала реветь, – а я так не умею ругаться. И от таких слов сразу краснею... а он поначалу смеялся, а потом его это стало раздражать.

– А ты кто? Небось, беспонтовая заточка?

Я перестала реветь и уставилась на нее.

– Затычка? – предположила я, – да, наверное. Он затыкал мною все свои... – я опять зарыдала и сквозь зубы процедила, – дыыыры....

– Да не затычка, а заточка, – объяснила Барби, – это значит телка, которая постоянно учится. То есть умная.

– А! – понимающе откликнулась я, – значит, это был комплимент?

Барби пожала плечами. Видимо слово комплимент она не знала. Диалог глухого с немым был в самом разгаре.

– А чего при параде? – она кивнула на мой деловой костюм, – Бизнес вуман, чё ли?

– Финансовый менеджер в банке. – Отозвалась я.

– Крутой сапог!

Я с удивлением уставилась на свои осенние туфли.

– Ну, ты даешь, – удивилась Барби. – Чё, правда, не врубаешься?

Я даже не знала что ответить, потому что совершенно не понимала причем тут крутые сапоги, если на мне туфли? Поэтому смотрела на Барби широко открытыми глазами и хлопала ресницами.

– Ну ты дятел! А где живешь?

– Вот тут и живу, – я кивнула на дом, окна которого светились неподалеку. – А ты?

– И я тут, в первом подъезде.

Я внимательно посмотрела на блондинку.

– погоди, я тебя знаю! Это ведь твоя свадьба гудела на весь наш район пару лет назад?

– Пару... – Барби скривилась, – ни фи́га себе пару? Целых пять! – уточнила она и допила Мартини.

– Ты же за американца вышла, да?

– За южноафриканца, – поправила меня новая знакомая, – Но он уже давно не в Африке живет.

– А где же?

– Здесь, в Москве.

– И что? Всё? Конеч любви? И у тебя?

– А я чё, не человек?

– Конечно, нет, – уверено сказала я, – лично ты для меня Барби. Глупая кукла, причем, китайского производства.

– Чего? – блондинка вскочила на ноги, – Ты кого кончитой обозвала, овца?

Я тоже вскочила на ноги:

– А причем тут «Юнона и Авось»?

Барби на секунду замерла, но потом, тряхнув копной шикарных белых волос, продолжила:

– Ты базар фильтруй, финансовый директор, а то я так перемкну тебе этим пузырем по тышке, что твои кудрявые мозги раскинутся по всей Москва реке! А домой ты пойдешь с красными соплями! Поняла? – и стала размахивать передо мной уже пустой бутылкой.

Идти домой с красными соплями совсем не хотелось, да и вообще я почему-то осмелела: отмахиваясь и совершенно не веря в происходящее, закричала:

– Слушай ты, Барби, я хоть и краснею от одного слова... – тут я запнулась, кашлянула и, взяв себя в руки, продолжила, – «задница», но драться я умею – курсы дзюдо закончила. Так что это ещё неизвестно чьи кучерявые мозги дворнику придется утром подметать!

– Ах ты, мочалка! – Барби выкинула бутылку в сторону и вцепилась в мои волосы.

– Ах ты.... Барби! – я кинула свою новую сумочку от Прада на бордюр и вцепилась в ее светлую шевелюру.

На помощь поспешили прохожие, разняли нас, а мы как петухи выпячивали грудь (у кого есть) и кричали оскорбительные слова. Эх, жаль, что у меня с собой не было моего любимого портфеля. Сколько нужных слов я могла бы записать в свою тетрадку! Я, конечно, попыталась их запомнить, но кроме известной «мочалки» и «лошары» ничего в памяти не сохранилось. С моей же стороны самым оскорбительным словом было «жопа». Да, наконец-то я его произнесла вслух и при этом не покраснела.

Барби стала ругаться с кем-то из прохожих, а я схватила сумочку и побежала к дому. Только тут до меня дошло, что я устроила драку. Да, впервые в жизни. В голове крутилась только одно словосочетание: «Какой позор!». Я думала и молилась только о том, чтобы меня не заметили соседи или кто-нибудь из знакомых. Поднявшись пешком на пятый этаж, я открыла дверь своей уютной, но уже одинокой квартиры, сразу побежала на кухню, выпила стакан воды и посмотрела в окно.

Как ни странно, но внизу уже никого не было.

Я включила электрический чайник, вытащила из холодильника курник, отрезала себе кусок и тут поняла, что я ещё не переоделась.

Пришлось идти в ванную, мыть руки, потом в спальню, переодеться в домашний халат и тапочки и только после этого я позволила себе сесть за стол, налила себе чашку чая без сахара и съела кусок пирога. На душе сразу стало легче. Вот только интересно от чего? Может оттого, что все накопившиеся отрицательные эмоции и всю свою боль я оставила внизу, когда обозвала свою новую знакомую неприличным словом? Или оттого, что узнала несколько интересных неприличных слов? Или всё-таки от курника?

Я люблю поесть. И люблю поесть вкусно. Думаю, что Кирилл ни раз вспомнит о моих кулинарных способностях, когда утром, обнимая какую-нибудь костлявую Барби, будет доедать холодный бутерброд с сыром. Да и когда будет спать с ней на грязных простынях... тоже будет вспоминать меня. Я меняю постель два раза в неделю. И всё постельное белье у меня выглажено и накрахмалено. Пусть это делаю не я сама, а моя домработница... Кому какое дело как я веду свое хозяйство?

Я думаю, что вы уже поняли, что я самая настоящая правильная девочка, которая умеет на свете всё... кроме одного – быть счастливой.

Любой поступок, который бы я не совершила, я сначала одобряла, совершала, а потом уверяла себя, что поступила правильно.

В моем роду все или доктора или профессора. Все образованы, все интеллигенты и ... наверняка все несчастны. Хотя утверждают, что они в полном порядке.

У меня два высших образования. С самого рождения все знали, кем я буду и каких высот достигну. В двадцать пять у меня уже была своя квартира, машина и жених, который никак не вписывался в ряды моего интеллигентного семейства. Меня сразу обозвали белой вороной и предложили взяться за ум, которого у меня было в избытке. За ум я браться не хотела, так как мой жених был воплощением всех моих фантазий. И не только эротических, между прочим! Поэтому я назло мамочке, папочке и бабушке вышла за него замуж. На свадьбе не было ни одного человека из моей родни, и после этой выходки я забыла что такое «воскресный обед». Да, они просто отrekliсь от меня. Конечно, я скучала по родным, и, конечно, не раз пожалела о случившемся. Теперь только представьте себе – КАК я любила своего мужа!

Нет, я его не просто любила – я его боготворила и очень боялась потерять. Поэтому и пыталась быть идеальной. А он меня взял и бросил. Именно из-за этой проклятой идеальности.

Я готовила ему экстраординарные блюда, чтобы не просто утолить голод, но ещё при этом доставить гастрономическое удовольствие от еды. Вот, например, вы знаете что такое Пумперникель? Нет, это не полезное ископаемое – это пряник. Самый обыкновенный литовский пряник. Правда, Кирилл его называл «первый десерт», или «первая часть Марлезонского балета». Как Вы уже могли догадаться, была ещё и вторая часть Марлезонского балета – пирог,

или штрудель, или тортик, или суфле. Я постоянно устраивала ему недели «Кухни народов мира»: японской, китайской, датской, норвежской, румынской ... Самой любимой у него была французская: Кирилл заказывал омлет с зеленью "о фин ерб" почти каждое утро. Сверху этот омлет получался слегка подрумяненным, а внутри – светлым и воздушным. А Фуа Гра? Вы бы хотели испробовать это блюдо из рук финансового директора, а не шеф-повара французского ресторана?

Я не просто сделала уютной квартиру, чтобы ему жилось комфортно, но и оборудовала ее так, как было благоприятно его астральному дому. Его зодиакальный астрологический знак – Рыбы принадлежит к числу древнейших эзотерических символов и чтобы проникнуть в глубины его подводного царства и разноцветного фантастического подводного мира, я соорудила у себя в квартире большой аквариум, в котором завела более ста видов рыб. Кое-какие хорошие изменения я сразу почувствовала и с новой силой взялась за обустройство. Фэн Шуй – стало моим вторым открытием в дизайне интерьера квартиры. Когда же кристаллы, каменные садики Дзен и мини фонтаны не помогли, я вычитала о древнеиндийской науке – Васту, которая возникла за века до фэн-шуй, и была связана с Аюр-Ведой, традиционной индийской наукой о медицине и здоровье. Следуя ее принципам, я существенно "улучшила" качество своей жизни – как обещала индийская наука – осталась одна. И это после семи лет совместной жизни!

Его слова до сих пор гудят в моем среднем ухе: «Ты слишком идеальна. Ты вообще женщина? Или робот?»

Это были его последние слова, потом он стал собирать чемодан, а я стояла и не знала что делать. Идеальная женщина, в моем представлении, не должна была перечить мужу, а должна была помочь ему собрать вещи. Помогать укладывать его трусы я, конечно, не стала. Но не потому, что решила перестать быть идеальной, а потому что не могла пошевелиться – в такой шок он ввел меня своим уходом. Я перечитала кучу книг, но не знала как себя вести с человеком, которого больше всего на свете любишь... И не могла подобрать слова, чтобы остановить его. Поэтому я стояла, молчала, и только когда он хлопнул входной дверью я поняла, что он всю мою жизнь и весь мой внутренний мир засунул в одно большое место под названием "ЖОПА". Правда вслух я назвала это место задницей...

Глава вторая

Воскресное утро полностью зависит от субботнего вечера. А так как вчерашний вечер я провела не очень благоприятно, то и настроение с утра было отвратительным. Перед глазами стояла молоденькая и до безобразия симпатичная молодая девочка с бутылкой и я, размахивающая сумкой. Помочь мне мог только врач. И не простой, а для моей головы!

Мой психолог – женщина, её зовут Валерия Иосифовна, ей почти сорок и она не замужем. В общем, как сапожник без сапог, так и психолог без счастья в личной жизни. Но это уже не мои проблемы, свою работу она выполняла качественно. Я выходила от нее всегда окрыленная и с решёнными задачками. Хотя мои вопросы назвать задачками было нельзя – это были сплошные ребусы. До сих пор не понимаю, как Валерии Иосифовне удалось их разгадать. Правда рылась она очень глубоко – залезала в самые сокровенные места, долго и упорно копалась в детстве, в моих родителях, одноклассниках и классной руководительнице. Да, именно в классной руководительнице она и нашла тот камень, который заставила меня взгромоздить себе на плечи и выкинуть в глубокое синее море. Мы даже вместе медитировали с ней и я кидала этот камушек на дно Красного моря. Мне казалось, что в Египте этому камню будет намного интересней, чем на дне Черного моря.

Мою классную руководительницу звали Альбина Ивановна. Когда она взяла шефство над нашим классом, ей было слегка за тридцать. И столько же тараканов было в ее голове. Первый таракан звался «Себя любить нельзя!». Его прототипом были «Надо любить других!», «Надо жертвовать!» и «Только безоговорочное самопожертвование способно сделать из чело-

века личность!». Личностью в классе хотели стать многие. Но стала только я. Потому что я была в первых рядах и так хотела стать этой личностью, что для других места уже не было. Да, я играла честно и жертвовала всем направо и налево. И очень скоро поняла, что стала самым затюканным ребенком в классе. Ко мне обращались только если нужно было помочь. И тогда я, как Бэтмен, только без плаща и маски, врывалась и помогала так, что и сама уставала от себя и от помощи, которую я пыталась оказать.

Со временем, конечно, мой Бетменовский запал прошел. Даже совсем ещё юная школьница смогла понять – что-то тут не так. И помогать, и любить только других – больно. Да, я всё это понимала, но по инерции продолжала жить, как завещала великая классная руководительница. Хоть и не так рьяно, как вначале.

И со стороны можно было просто предположить, что я очень добрая девочка. Вот в таком состоянии я и дожила до времени, пока не встретила Кирилла. При встрече эта кнопочка запала, но потом быстро восстановилась и я опять стала жить и жертвовать всем. Ради Кирилла.

Я позавтракала, надела самый скромный из моих деловых костюмов и набрала номер телефона Валерии Иосифовны.

Она принимала меня всегда. И в воскресенье утром и в пятницу поздно ночью. Я всегда знала, что в любой момент могу на неё рассчитывать и получить медицинскую помощь для моих тараканов.

Ещё через полчаса я лежала у нее в гостиной, на шелковой подушке, рассматривала лепнину на потолке и делилась вчерашней "встречей" с незнакомкой.

– Она Вам сразу не понравилась? – спросила Валерия Иосифовна.

– Сначала мне было всё равно. Мне было настолько больно и непонятно почему от меня ушел Кирилл, что я после его ухода выбежала на улицу, даже куртку забыла накинуть. Правда сумочку не забыла. И я стояла на этой набережной, смотрела куда-то вдаль и никак не могла поверить, что со мной это происходит.

– Почему Вы не позвонили мне?

Я замолчала, подумала, три раза обвела глазами выступающий розовый цветочек на потолке и честно ответила:

– Не помню. Не знаю. Мне было так больно, как будто всё разрывалось внутри. О Вас я даже и не вспомнила, почему-то...

– Это нормально. Такое случается. Любой человек сначала пытается справиться с проблемой сам. И только если у него не получается – он ищет другие способы. Это даже хорошо. Я не хочу, чтобы вы полностью зависели от меня и принимали решения только после консультации со мной. Вы должны пытаться сами всё решить. Мы достаточно времени провели с вами за беседами и познаниями. Мне иногда кажется, что Вы могли бы уже принимать пациентов вместо меня.

– Это Вам только кажется. Как возникает проблема – я сразу превращаюсь в маленькую девочку, которую надо погладить по головке и рассказать, как жить дальше.

– Хорошо, расскажите мне, что вы чувствуете по отношению к Вашей вчерашней знакомой?

– Она... совсем не похожа на меня. Скорее наоборот – мы антиподы.

– Вы её ненавидите?

– Почему я должна её ненавидеть? – я приподнялась и посмотрела Валерии Иосифовне в глаза.

– Хотя бы потому, что она противоречит вашим жизненным идеалам о человеке. Она не похожа на вас. Кроме того, мне кажется, что именно такой типаж мог бы увлечь Вашего мужа. Разве нет?

– Всё это очень похоже на правду. Я имею в виду то, что мой муж легко бы мог увлечься ею. Но я не вижу, я не чувствую в ней соперницу. Помните, мы с Вами уже говорили об этом – чем более успешный человек, тем менее характерна для него ненависть.

– Абсолютно верно! Развитая личность чаще всего мотивируется интересом, заботой и любовью. И я очень рада слышать, что вы не испытываете к ней неприятных эмоций. И знаете почему?

Я уже устала от сеанса. Поэтому закрыла глаза, подумала и ответила:

– Нет.

– Потому что, вы легко можете её сделать своим другом. И поучиться у нее тому, что вам необходимо как воздух: непосредственности, лёгкости, бесшабашности. Как Вы отнесётесь к этой идее?

Конечно, идея была гениальная! Я возвращалась домой и думала только о том, как я об этом сразу не додумалась. Конечно, свою идею я несколько расширила. И кроме знакомства со вчерашней незнакомкой у меня были на неё другие, очень большие планы.

Я даже не стала подниматься к себе, а сразу направилась в первый подъезд. Я не знала точно где живет моя вчерашняя подруга Барби, но я без труда нашла ее.

Она ещё спала. Конечно, нормальные люди спят в воскресенье в десять утра. Где-то в глубине своей антикварной души я это понимала. Но вот менять свой график, который я выработала за семь лет супружества, уже не могла.

Чем же я занималась, спросите вы, в семь утра каждое воскресенье?

И я вам приведу цитату из своего ежедневника:

7-00 – подъём, пробежка, душ.

8-00 – приготовление завтрака.

В начале девятого я будила своего мужа, и кормила его в постели наивкуснейшим завтраком.

Ещё вопросы есть?

Итак, Барби открыла мне дверь и, почёсывая ухо, сказала:

– Только не это!

– Привет, – тихо поздоровалась я, – есть разговор. Можно войти?

Она только вздохнула и пропустила меня в квартиру.

Барби стояла передо мной в жёлтых трусиках в белый горох и такой же "гороховой" маечке. Ее светлые длинные волосы были растрёпаны, или можно даже сказать запутаны, а по лицу растекался вчерашний макияж, который она не соизволила смыть перед сном. Но всё равно на неё было приятно смотреть. Она была как ребёнок, который проснулся ото сна и сразу бежит к маме на ручки. Так и её – хотелось если не взять на ручки, то хотя бы обнять и отнести в кровать.

– Мне нужна твоя помощь, – я сразу перешла к делу, как и привыкла.

– Мыла и веревки нет. Вчера выкинула в окно.

– Чтобы не поддаваться соблазну? – спросила я.

Барби устало смотрела на меня:

– Тебе чего надо?

– Может, пригласишь хотя бы на кухню? – попросила я.

– На кухню? – Барби ухмыльнулась, – это там, где такой огромный двухкамерный дядька и электрическая плита?

– Да, там ещё должен быть чайник и чай. Сахар можешь не искать.

– Давай ты сама всё найдешь, – попросила Барби.

Я согласилась и направилась на кухню. Холодильник был отключен, все шкафчики полупусты. Было немного крупы, муки, и овсянки. А вот чая или кофе я не нашла.

– А ты как долго тут обитаешь?

– Месяц.

– И до сих пор не купила чай?

– Я бодрить не люблю. Если мне надо закинуться, я звоню в соседнюю пиццерию. – Объяснила Барби.

Она стояла на одной ноге, как аист, и обнимала себя за плечи, видимо ей было холодно.

– Ладно, это твое дело. Я всё-таки ещё раз убеждаюсь, что вы с Кириллом очень похожи.

Он тоже всё время хотел куда-то поехать, где-то поужинать: то бургеры, то пиццу...

– И чего в этом плохого?

– А что хорошего? Я пиццу делаю в сто раз вкусней, тесту даю подойти три раза – оно у меня пышное, воздушное... Колбаска свежая, сыр только моцарелла... а тут не пойми кто готовил, а может у него руки были грязные?

– Хочешь сказать, что ты никогда не тусуешься?

– Я посещаю рестораны, конечно. По работе приходится – с клиентами только в ресторанах и назначаю встречи. Только почти ничего не ем из того, что заказываю. Так: поковыряюсь и объясняю всем, что не голодна.

– Почему?

– Моя знакомая работала официантом в хорошем ресторане. И она мне рассказала как там на кухне обстоят дела. И как в салат могут положить то, что не доели вчера. Там безотходное производство! И нельзя быть уверенным даже в самом крутом ресторане. Лучше всего – домашняя еда!

– А может у тебя бабла нет?

Облегчено вздохнув, я поймала себя на мысли, что язык Барби я понимаю. Да, пусть я не могу ответить на её языке, но ведь это придёт. Надо только побольше с ней общаться.

– Есть. У меня есть деньги. Просто я предпочитаю домашнюю кухню.

– Какой бред! – скривилась Барби. – Ладно, давай выкладывай чего припёрлась?

– Я пришла просить тебя о помощи.

– По воскресеньям не подаю, – расхохоталась Барби.

Я сделала вид, что не услышала её издёвки:

– Тебе наверняка нужны деньги. Так вот, – я вздохнула, – предлагаю тебе работу.

Барби равнодушно смотрела на меня и ждала предложения.

– Мне надо, чтобы ты познакомилась с моим мужем.

– С бывшим?

– Почему бывшим? Мы не в разводе. И, надеюсь, не разведёмся. Да, между нами стена непонимания, но я собираюсь её разрушить. С твоей помощью.

– Это как? – хмыкнула Барби, плюхнулась на стул и поджала коленки к носу.

– Ты должна познакомиться с моим мужем. Как именно, я тебе расскажу. И после просто должна быть собой.

– Зачем?

– Чтобы он понял, – я замолчала и пыталась подобрать правильные слова, чтобы Барби не обиделась и не выгнала меня, – чтобы он почувствовал разницу.

– Между мной и тобой?

– Да, – призналась я.

Барби встала, посмотрела на меня как-то оценивающе, подошла к окну, потом повернулась и сказала:

– Кроссовки жмут и нам не по пути.

– Что это значит? – растерялась я.

– Вали отсюда.
– Ты мне не поможешь?
– Нет.
– Почему?
– По кочану.
– Потому что я лошара? – я уже гордилась собой, что запомнила, а самое главное произнесла это слово.
– Ага, – согласилась Барби и громко рассмеялась.
– Ну пожалуйста.
– Сказала нет – значит нет. Слушай, топай домой, а?
– Не могу, – обида подкатила к горлу, и на глаза навернулись слезы. – Я его люблю, понимаешь? И очень хочу вернуть. Ты когда-нибудь любила? По настоящему?
– Я и сейчас люблю. Но он не прётся с меня. Что же мне в ящик сыграть, что ль?
– Зачем сразу в ящик. Нужно попробовать другие пути...
– Да пробовала я. Раз десять пыталась ему сварить суп, картошку жарила, костюмы, как у тебя покупала.
– И что?
– Да ничё. Ржал только.
– Потому что ты пыталась измениться только внешне. А про внутренние изменения и не вспомнила.

Барби пожала плечами:

– Нет, просто ему нужна не я, а такая как ты...

Когда она произнесла эти слова, меня сразу осенила гениальная идея:

– А давай ты откроешь моему мужу глаза, а я твоему?

– Ага, – ухмыльнулась Барби, – он как тебя увидит сразу в ЗАГС и потащит.

– Не потащит. Я буду играть слишком хорошую, такую, знаешь, ну слишком приторную.

Его сразу затошнит и он к тебе прибежит.

– А если не прибежит?

– Уверю тебя, прибежит. Я его буду заставлять мыть руки каждые три минутки, убирать за собой вещи в шкаф...

Барби меня перебила:

– Ты, правда, будешь заставлять его делать это? И тебе не будет жаль его?

– Конечно, нет! Я же не люблю его.

– А если полюбишь? – осторожно спросила Барби.

Я улыбнулась:

– Я люблю своего мужа. Очень сильно. И другого мне не надо.

Барби кивнула, вздохнула и о чем-то задумалась.

– Ну так что? Согласна?

– Даш на даш? – Барби протянула мне руку.

– Не поняла, – призналась я и попыталась улыбнуться.

– Ну, это что то вроде: ты – мне, я – тебе.

– Аааа! – затащила я и пожала ей руку, – понятно.

Барби опять обняла себя за плечи.

– Если тебе холодно, то почему ты не наденешь халат? – наивно спросила я.

– У меня нет халата, не было, и никогда не будет.

– Почему? – не поняла я.

– Не моё.

– Но ведь халаты бывают разные. Я не предлагаю тебе надеть старый, бабушкин. Знаешь, какие хорошенькие халатики продаются сейчас в магазинах.

– Девушка в халате – уже баба.

– А ты хочешь быть вечно молодой девочкой, – не спросила, а очень утвердительно произнесла я.

– Ага.

Я подошла к окну, посмотрела на ещё спящий город, уже холодный, но такой родной. И мне очень захотелось теплоты. И быть счастливой. Можно даже не сейчас, а завтра. А теплоты захотелось сейчас. Но рядом не было никого, кроме незнакомой Барби. Которой тоже сейчас хотелось тепла и простого бабского счастья. Хотя, про себя она наверное, называла его девчачьим.

– Думаешь, у нас получится?

– Если мы очень захотим – уверена, что получится. Кстати, как тебя зовут? А то я тебя про себя называю Барби.

– А я тебя называю Умка, – засмеялась моя новая знакомая.

– Меня зовут Ирина, – представилась я.

– А я Татьяна. Можно Таша.

– Таш, слушай, я вот разговариваю с тобой и не могу понять – ты, когда говоришь всякими странными словами – притворяешься? Или ты действительно такая?

– Какая такая?

– Вот все эти «даш на даш», «кроссовки, которые жмут»... где ты всему этому научилась?

– У меня двоюродная сестра так разговаривает. А я только с ней и общаюсь. А вообще я могу быть мягкой и пушистой. И кокетничать могу, и глазки строить, и бизнес-вуман тоже корчить из себя могу. Только те, кто меня хорошо знают, всё равно видят во мне пацанку.

– Тебе от этого плохо?

– Мне просто надо, чтобы он меня любил. А он... не любит...

Я улыбнулась. Улыбнулась тому, что давно знала: все женщины на свете хотят одного – любить и быть любимыми. Да, многие ещё хотят шубы, Феррари и звёздочку с неба, но если забрать у них главное – им сразу станет шубка холодной, Феррари слишком быстрой, а звёздочка с неба – слишком яркой.

– Хочешь, я тебе помогу? Я могу сделать из тебя настоящую леди.

У Таши загорелись глаза:

– Сделай! А я тебя научу как быть пацанкой. Твой же муж тащится от них?

– Отлично. Даш на даш!

Таша засмеялась:

– Ты хорошая ученица.

– Надеюсь. Так какие у нас планы? – возбужденно спросила я.

– Для тебя план такой: никаких планов!

– Но мы же должны знать, что будем делать, – я действительно чего-то не понимала.

– Вот для меня мы составим этот твой дурацкий план. Вернее, я составлю. Никогда, правда, не парилась... так что очень даже интересно. А вот тебе планов никаких не надо. Тебе надо научиться жить ... – Таня кивнула на мой рабочий портфель, который я прижимала к груди, – без красненькой тетрадки. Стопудово она в твоём огромном чемодане!

– Ты о ежедневнике? Так там, в основном, одна работа, – попыталась я оправдаться.

– И на фиг она тебе в воскресенье утром? Ты на работу собралась?

– Нет...

– Вот и кинь его здесь. А мы пойдем, закинемся. – Она запнулась, посмотрела на меня виновато, – Мы пойдем завтракать. В пиццерию.

– Но...

– ... ты вернуть своего мужа хочешь?

Я кивнула.

– Вот и будешь пиццу хавать.

– Вот и будешь пиццу хавать, – повторила я вслух за Таней.

– Заело?

– Нет, учу слова.

– Правильно. Пошли?

– Ты в этих трусиках и в этой маечке собираешься идти в пиццерию?

– Неее, – засмеялась Таша, – ща накину на себя что-то.

– Что-то? – удивилась я, – настоящая леди должна просыпаться и первым делом бежать в душ. Потом расчесаться, сделать легкий макияж, привести в порядок свою комнату и только потом бежать туда, куда надо. И бежать, между прочим, надо не в чем-то, а в очень элегантном. И на каблуках.

– Как скучно... – скривилась Таша. – И ты, правда, делаешь это каждый день?

– Конечно! – воскликнула я.

– Я к такому никогда не привыкну! – призналась Таша и сникла.

– Привыкнешь. Если ровно месяц ты будешь это делать каждый день, то потом всё пойдет на автомате. Ручаюсь!

– Ладно, тогда иду умываться и чистить зубы.

– Молодец! Ты идеальная ученица!

Глава третья

Через полчаса мы устроились в пиццерии за столиком у окна. Таша заказала две пиццы, две чашки кофе и сразу призналась:

– Знаешь, ощущения очень приятные. Я давно не укладывала волосы. Так приятно сидеть и ощущать себя такой... ухоженной, элегантной... Мне многому нужно у тебя научиться!

Я кивнула:

– И мне тоже – у тебя.

– О, это очень легко! Главное – когда просыпаешься никуда не бежать. Несколько раз подтянуться, улыбнуться, подумать о том, что мир прекрасен и что вся эта огромная машина движется по своей оси только для тебя.

Я усмехнулась:

– Ничего себе позиция. То есть вся Вселенная создана только для тебя?

– Именно!

– А когда тебя не станет? Она исчезнет?

– Скорей всего да. Ну, или может сначала и будет двигаться по инерции, но не долго. Ей, без моего смеха, без моей улыбки станет скучно, она разрыдается и остановится.

– Как бы мне хотелось, чтобы так и было. Только не из-за тебя, а из-за меня.

– Так что же тебе мешает думать так? – прищурилась Таша.

– То, что я взрослая девочка и понимаю, что жизнь без меня не остановится. И даже самые близкие люди со временем тоже меня станут забывать.

– Вот и проблема: я маленькая девочка – а ты взрослая тётка. Я верю в чудеса – ты нет.

Спорить с Ташей было невозможно. Потому что она выглядела здравомыслящим человеком. И даже когда говорила весь этот бред – было такое ощущение, что это не бред вовсе. Может быть это было не так потому, что она во все это искренне верила? А вместе с ней и мне хотелось верить?

– То есть, вот живёт на свете Вася, – я всё-таки решила вступить с ней в полемику, – живет он себе, живет и ра-а-аз – сегодня умирает. И что? Завтра Земля остановится?

– Из-за Васи? Нет, конечно! Земля остановится только из-за меня! – и Таша рассмеялась.

– Понятно, тебе и самой смешно. А я непонятно зачем пытаюсь тебе объяснить, что так не бывает.

– А я хочу в это верить и буду! Себя надо любить. А ты не любишь, я заметила.

Я сначала сразу хотела возразить Таше и сказать, что я себя люблю. Не зря, ведь мы с моим психологом работали над этим вопросом почти три года!

Валерия Иосифовна мне всё разложила по полочкам. Объяснила разницу между альтруизмом и эгоизмом и заставила саму себя не только уважать, но и любить. Поначалу, я с ней долго спорила, что себя любить нельзя – это чистой воды эгоизм! Но она объяснила мне, что выстраивать свои отношения с окружающими нужно исходя из того, что нужно вам, исходя из любви к себе. Но не в ущерб окружающим. А этому стоит научиться! И один из первых принципов разумного эгоизма – любить себя надо, но не за счёт других. Скажу честно – я долго пыталась, и Валерия Иосифовна меня даже иногда хвалила, но все равно Кирилл любил больше, чем себя. Да и сейчас люблю больше...

– Таш, а сколько тебе лет? – стараюсь больше не думать о Кирилле, спросила я.

– А сколько дашь?

– Семнадцать-восемнадцать. Но, зная, что ты в браке пять лет – получается, что тебе около двадцати пяти.

– Так и есть.

- А где ты этих блатных слов нахваталась?
- Я же говорю, у меня двоюродная сестра – панк. Только так и базарит. А я только с ней и общаюсь. До того, как я уехала в ЮАР мы были с ней неразлучны. Она моя лучшая подруга.
- Но сейчас ты должна стараться этих слов не произносить.
- Конечно, это без проблем, – недовольно пробурчала Таша.
- А то я как представила себе, что мне пришлось бы обучать тебя русскому с самого первого класса...
- Не пришлось бы. Я школу закончила с отличием, а потом ещё и институт в ЮАР – муж настоял.
- Расскажи о себе, – попросила я.
- Да чё рассказывать?
- Таша, не чё, а что, хорошо?
- Да без проблем! Что рассказывать? – исправилась Таша, – Мой отец лёг в кровать когда мне было шесть лет. Мама списалась и померла когда мне было двенадцать. Бабка – была мировой бабой, но тоже померла. Так что все умерли – я сирота.
- И папа тоже? – не поняла я.
- Ну да. Лёг в кровать – значит повесился.
- Как? – от неожиданности спросила я. Понятно, что я прекрасно знала, как люди вешаются.
- На Кичи. – объяснила Таша.
- Нам принесли кофе, Таша отпила из чашки, зажмурилась и улыбнулась.
- Ташенька, ты прости меня за эти глупые вопросы, но я очень многих слов не понимаю. Он в тюрьме сидел?
- Да.
- И тебя бабушка воспитывала?
- Да.
- И квартира тебе от бабушки досталась? – поинтересовалась я.
- Ага.
- Таш, не ага, а да.
- Да без проблем. Просто забываюсь, – виновато ответила Таша.
- Ты с мужем уже развелась?
- Пока нет. А вы из-за чего поссорились? – спросила Таша.
- Я отпила кофе, покрутила в руках чашку и пожала плечами:
- По-моему, потому что я слишком идеальна. А вы?
- По-моему, – Таша тоже пожала плечами, будто сомневалась, – потому что я ничего не умею.
- А почему не научишься? – спросила я.
- А на фиг? В ЮАР жизнь построена так, что ты там белый человек. У меня была прислуга, которая стоит там копейки, и она всё за меня делала. Даже еду готовила. Правда не я её этому обучила, а мой муж. А я целыми днями только училась. А вечером мы ужинали, смотрели новости, читали книги у камина и ложились спать. Скукота смертная. Даже учиться не хотелось. А вообще я считаю, что человека или любят таким, какой он есть – или не любят.

Я ещё раз с удивлением посмотрела на Ташу. Такая молодая, но мудрости ей не занимать. И говорила она почти те же слова, что и мой психолог, что семья – это, как минимум, два человека. И что каждый из нас живет свою жизнь, именно – свою, единственную и неповторимую. Это большое заблуждение, считать, что постоянно принося себя в жертву, я смогу заслужить любовь и уважение мужа. Обычно всё происходит с точностью до наоборот. (Как в воду смотрела!) И вполне может быть, что в один прекрасный день меня предпочтут жен-

щине, которая любит себя гораздо больше. (Вот это я очень хотела выяснить – поменяли ли меня на другую женщину, или от меня просто сбежали?) Жертвуя собой, женщина целиком погружается в семейный быт, теряет собственные увлечения, подруг и, как следствие – интерес к жизни. (Подруг у меня не было, родители и брат со мной не общаются – да, все её слова сбылись!) У неё теперь одна цель: стать такой, какой её хочет видеть муж. Валерия Иосифовна называла таких женщин социальными хамелеонами: они готовы изменить свои взгляды, приоритеты, убеждения, внешность, лишь бы стать для милого идеалом женщины.

– О каком, собственно, идеале может идти речь? – вскидывала она свои густые брови к небу и пристально смотрела на меня. – Если вас не принимают такой, какая вы есть, если для того, чтобы вас любили, необходимо измениться на 180 градусов, то стоит ли игра свеч? Женщину, которая не любит себя, никогда не будет по-настоящему любить ни один мужчина!

И ещё она почти на каждом сеансе повторяла (надеясь, что до меня это когда-то дойдёт), что единственный идеал – это мы сами.

– И пусть все, кто нас любит, воспринимают нас такими, какие мы есть. По большому счёту самое страшное – потерять себя, все остальные потери не так ужасны, как ни кощунственно это звучит. И не страшно, если ваши убеждения отличны от взглядов любимого человека. Только из-за этого вас никогда не разлюбят. Наоборот, если мужчина чувствует, что вы внутренне свободны и самостоятельны (а эти качества даёт нам разумный эгоизм), то он будет вас больше ценить. Такая женщина притягивает мужчин как магнит, как и всякая незаурядная личность, уважающая себя и свои интересы. Уважать и любить себя это вовсе не значит притеснять чьи-то интересы. Просто надо любить себя и тебя полюбят. Всё так просто и так сложно...

Нам принесли пиццу.

– Бери руками, вот так, – Таша взяла кусок пиццы и поднесла ко рту, – и ешь. Ммммм, как вкусно. Чего смотришь, ешь!

Я брезгливо поднесла кусок пиццы ко рту, откусила и стала жевать.

– Ну? – пытала меня Таша.

– Неплохо, – отозвалась я.

– Зачем ты так долго жуешь?

– Так надо. Пишу надо тщательно пережевывать. Здоровый человек должен пережевывать кусок 50 раз, а самосовершенствующийся – 150 раз.

– Кто тебе сказал такую чушь?

– Шаталова.

– Передай ей мой огромный привет.

– К сожалению, я с ней лично не знакома.

– Откуда тогда у тебя информация?

– Из книг.

– Правило первое: никаких книг.

– Кириллу тоже не нравилось, – призналась я.

– Что? Книги или то, что ты жуешь 150 раз?

– И то и другое.

– Наш человек! Неужели ты, правда, думаешь, что людям нравятся такие умки как ты? И неужели ты думаешь, что кому-то нравится, когда перед тобой сидит верблюд и полчаса жуёт один миллиметр пиццы?

Я согласилась с Ташей и проглотила то, что было у меня во рту.

– А теперь ты расскажи о себе. Или нет. Давай я расскажу о тебе, – предложила Таша.

Я откусила ещё один кусок от пиццы и кивнула.

– Ты родилась в правильной семье. Все родственники – или учёные или... нет, никаких «или». Все учёные. Ты закончила школу с золотой медалью, пару институтов, на квартиру или сама заработала, или родственники помогли. Тебя с детства учили готовить, печь торты, вышивать крестиком. Потом ты встретила своего единственного и неповторимого и... ничего не поменялось – по понедельникам ты вышивала, по вторникам – ты готовила суфле, по средам – салат из печени трески, а по воскресеньям вы гуляли в парке и любовались Москва рекой. Однажды твой единственный и неповторимый пришел взволнованный, собрал чемодан и сказал, что уходит. Ты не стала его останавливать, потому что решила, что не пройдет и суток как он прибежит назад, к своей курочке, которая несет для него золотые яйца... Но, оказалось, что он не пришел ни через два дня, ни через неделю... А знаешь почему?

– Нет, – призналась я.

– Потому что у него уже давно есть другая – полная тебе противоположность: худая, с короткой стрижкой, сумасшедшая, без портфеля, и с рюкзаком на спине.

– Нет у него другой. Ну, – я замялась, – по крайней мере, мне очень хочется в это верить. А вообще – всё, что ты сказала – не всё правда. В моей семье никто никогда палец об палец не ударил. У нас была и есть домработница – она всё и делала: и вышивала крестиком, и пироги пекла, и салаты готовила. Мы только учились. И когда я встретила Кирилла – я ничего не умела, кроме как целыми днями корпеть над учебниками. Это благодаря ему, я всему научилась. Это он сделал меня такой, какая я сейчас. А потом бросил...

– Ладно, не переживай. Вернем мы твоего Кирилла.

– Очень надеюсь, а как твоего мужа зовут?

– Эдик. Эдвард – его настоящее имя. Но тут все называют его Эдиком.

– Он здесь работает? Почему не в Африке?

– Ему тут нравится. Я же тебе говорю – в ЮАР очень скучно жить. Даже ему, хотя у него там куча родственников. ЮАР – это болото. Очень уютное, тихое болото с кувшинками. Мы прожили там пять лет, и я чуть от тоски на луну не выла... Это я настояла, чтобы мы сюда переехали. У него шикарная квартира на Чистых прудах. Я с ним жила... но месяц назад он меня выгнал...

– Вот бессовестный! Как можно выгнать женщину на улицу? Почему он сам не ушел?

– Это его квартира. Когда мы познакомились, он уже имел эту квартиру...

– Да какая разница! Я говорю не о том, что положено по закону, а о нравственности.

– Аааа, так он знал, что у меня есть бабушкина квартира...

– И что? Он хоть звонил тебе?

– Нет. Он сказал, что хочет забыть меня как страшный сон, и мечтает больше никогда меня не видеть.

– Значит так! – я отпила из чашки кофе, и заметила, что с каждым глотком мне он всё больше нравится, – я сделаю из тебя такую девочку-колокольчик, что он на коленях будет умолять тебя вернуться.

– А я, в свою очередь, такого перцу задам твоему мужу – что он приползет к тебе на коленках!

Я, довольная, протянула руку Таше и произнесла:

– Замётано!

Таша засмеялась:

– Концепция одобрена!

Мы доели пиццу, нам принесли счет и Таша полезла в карман за кошельком.

– погоди, а работа у тебя есть? – спросила я.

Она виновато пожала плечами и замотала головой.

– Тогда я заплачу. А ты Расскажи мне, что ты умеешь делать.

– У меня крутая специальность, – весело отозвалась Таша. – Только я никогда по специальности не работала. Я всего полгода как получила «мастера». В ЮАР меня без проблем взяли бы, и ещё и зарплату приличную платили бы. А тут...

– Ты уже пробовала искать работу?

– Да, уже неделю этим занимаюсь. Ты не подумай, у меня есть небольшие сбережения – Эдик выдал, чтобы я с голоду не померла.

– И кто ты по специальности?

– Я – специалист, в задачи которого входит всесторонний анализ экономических и финансовых показателей компании, а так же её денежных потоков и активов. Круто, да?

Я засмеялась:

– Такое впечатление, что ты это заучила.

– Так и есть. Я же училась на английском языке, и даже не представляла себе, как моя специальность звучит на русском. Пришлось искать в интернете, чтобы на собеседовании рассказывать о себе.

– Мы с тобой, значит, коллеги. Я тоже финансами занимаюсь. И это очень здорово, что у тебя такое сильное образование. Надо сказать спасибо твоему Эдику за это. Да и ты молодец, учиться на английском в другой стране...

– У меня английский на высшем уровне. Бабуля с шести лет водила по разным репетиторам – воспитывала, лепила из меня леди.

– Вот молодец! Как в воду глядела, что тебе английский понадобится.

– Ох, знала бы ты её! Такая сильная женщина! Знаешь, кем она работала? – Таша огляделась по сторонам, потянулась ко мне и на ушко прошептала, – сутенёршей.

Я ахнула и закрыла рот рукой, видимо боясь, чтобы изо рта не вылетело что-то большее, чем междометие.

– И ты тоже работала у нее? – с ужасом спросила я.

– Нет, ты что! Бабка меня любила и всегда говорила, что никогда не позволит опуститься до этих девок, которые продают себя. Она мне спуска не давала – музыка, чтение классики, английский, французский, живопись. Когда я полностью созрела и закончила десятый класс, она уже отошла от дел и стала сильно сдавать. Именно тогда, через каких-то знакомых она нашла для меня Эдика, который хотел взять в жены только русскую. Нас познакомили. И как-то всё так быстро у нас закрутилось... Она хотела для меня хорошей, заграничной жизни. Но так и не поняла, что всё равно продала меня... пусть не на ночь, а на пять лет...

– Зачем ты так? Ты ведь по любви вышла?

– Нет, ты что! – засмеялась Таша, – мне от бабулиного присмотра вырваться надо было! Она вообще меня никуда не пускала. Ни с сестрой, ни с друзьями видаться не разрешала. Сама на машине возила по всем репетиторам и лепила, лепила и ещё раз лепила из меня умницу и красавицу.

– То есть она тебя заставила выйти замуж?

– Она предложила. А я сразу согласилась. – Призналась Таша, – просто мне как воздух было необходимо вырваться, сбежать от неё. Я думаю, что если бы Эдвард был чернокожим, низеньким уродцем – я бы всё равно согласилась. Просто уже до такой точки кипения дошла, что готова была за чёрта лысого замуж выйти – главное, чтобы подальше от бабулиного прессы.

– А как же она без тебя справилась? Ты ведь наверняка была смыслом ее жизни?

– Да, это я только потом поняла, когда повзрослела. Но её уже не стало. Она быстро ушла – сгорела за два месяца.

– А Эдвард тебя любил? Я имею в виду, когда вы познакомились, ты видела его любовь в глазах?

– Влюбился в меня как мальчишка. На руках носил, все мои прихоти выполнял.

– А ты в него влюбилась?

– Он мне нравился, мне нравилось, что он от меня без ума, но полюбила его чуть позже. Когда узнала какой он человек, как его уважают, как он ведет бизнес... Он окунул меня в новую, красивую жизнь. Но самое главное – дал мне выбор. С бабулей этого не было – там всё за меня решала она. А когда тебя не держат на поводке, то и сбегать не хочется, правда? Так я и втянулась. День за днем, год за годом – и не заметила, как он стал мне самым родным человеком на свете.

Таша загрустила, замолчала и уставилась в окно. Я тоже стала рассматривать пейзаж, и каждый из нас думал о своем...

Что значит родной? Это или родной по крови, или это человек, живущий с тобой на одной волне, гармоничный, который тебя понимает и с которым легко ужиться. Но ни одно из этих определений не подходило к Кириллу: кровь у нас была разная, он совершенно не понимал и даже не воспринимал серьезно мои увлечения, я его не понимала совершенно – просто знала, что он любит и как надо сделать, чтобы он был доволен, но понять – никогда не выходило. А ужиться с ним можно было только одним способом – делать всё, что он хочет и чтобы он был счастлив.

Получается, то Кирилл мне был совсем не родным. А просто любимым. А родной – это когда и он и я чувствовали бы себя одинаково счастливыми просто потому, что мы есть у друг друга.

К каким интересным выводам я пришла! Надо будет обязательно это обсудить с Валерией Иосифовной. Может, всё-таки, я в чем то ошибаюсь? По крайней мере, мне бы этого хотелось.

Мы вышли из пиццерии и остановились.

– Куда пойдем? – спросила Таша.

– К тебе домой. Я хочу посмотреть какой у тебя гардероб. А потом надо докупить тебе, что будет необходимо для работы. И вообще, для жизни.

– Для какой работы?

– С завтрашнего дня ты моя помощница по финансам. Да, вот такая удача, – засмеялась я, – Я давно ищу себе человека с новым мышлением и кучей идей. Уверена, что ты как раз подойдешь на эту роль, да и мне, уверена, будет чему у тебя поучиться.

– Спасибо, Ир, – Таша улыбнулась и опустила голову.

Какая же она все-таки застенчивая, – подумала я. Совсем ещё ребенок! Хотя по вчерашней драке совсем не скажешь, что она способна на резкие слова и хулиганские поступки. Хотя, и по мне не скажешь, что я способна на драку. Видимо, накопело, и мы вчера просто «спустили пар».

Мы направились к Таше домой, я выбрала несколько блузок, которые, по моему мнению, она могла оставить в своем гардеробе, плащ, черное замшевое пальто, и пару новых сапог на высоченном каблуке.

– Какие симпатичные сапожки! И они новые! Почему ты их ни разу не обула? – спросила я.

– Я не ношу обувь на каблуке.

– Ты неправильно построила предложение, – улыбнулась я.

Таша с удивлением посмотрела на меня:

– Вроде не сказала никакой глупости...

– Я не носила обувь на каблуке, – произнесла я, – чувствуешь разницу?

– Хочешь сказать, что сейчас придется?

– Обязательно!

– Ладно, если надо – значит научимся.

– Вот и всё. Вот это, – я указала на вещи, которые лежали на диване, – надо отложить в сторону и надевать только для того, чтобы приструнить моего мужа, – а вот эти, – я указала на несколько блузок, которые висели на вешалках в шкафу – ты можешь надевать на работу.

– Спасибо, – прищурилась Таша и хитро улыбнулась, – значит, на работу теперь можно ходить без юбки.

– Юбку и всё остальное, что я посчитаю нужным, я тебе сейчас куплю в магазине.

– Спасибо, – повторила Таша, уже смутившись. – Но я не нищенка, у меня есть деньги!

– Не за что пока благодарить. А деньги пусть будут на черный день. Пойдём, походим по магазинам, и ты скажешь, что купить мне, чтобы выглядеть модной.

– Договорились!

Оставшиеся полдня мы провели в магазинах, купили мне какие-то модные брюки-дудочки, в которые я еле влезла, три коротких юбки, которые настолько короткие, что я даже не представляю, куда в них можно пойти, ярко красную курточку, две пары джинс и шарфик. Из всех вещей мне понравился только шарфик, и я готова была его сразу натянуть на шею, но Таша сказала, что его стоит носить только с курточкой и джинсами. Таше я купила несколько белых блузок, три деловых костюмчика, две длинные юбки, две пары строгих брюк, кардиган и три пары туфель на шпильках.

Пообедать решили в ресторане «Рыбка».

– Там такие божественные морепродукты! Тебе понравится, – закатила глазки Таша.

Рыба действительно была приготовлена отлично. Я искала к чему придаться, но в итоге сдалась и призналась самой себе, что в ресторанах неплохо готовят.

– Ну что, – Таша вытерла губы салфеткой, – давай думать, как мне познакомиться с твоим ненаглядным.

– Тут даже и думать нечего. Он обедает почти всегда в одном и том же кафе, возле своего офиса. Познакомиться тебе не составит труда. Нам надо подумать, чем его зацепить, чтобы он захотел с тобой длительных отношений. А уж там ты покажешь ему на что способна.

– Я так думаю: если я в его вкусе, то он сам должен клонуть.

– Так и будет. Он, когда видит таких как ты, теряет рассудок. Даже при мне паялся на таких девчонок как ты.

– И ты ему позволяла?

– А что я могла сделать?

– Устроить скандал, накричать, наорать, разбить его любимую чашку, кинуть на пол его ноутбук, врезать ему хорошенько по морде...

Я её перебила:

– И ты это всё делала? Со своим Эдиком?

– А как же! Мужчина должен уважать женщину. Кстати, Эдику было достаточно одного скандала. После он никогда даже и не смотрел на женщину в моем присутствии.

– Да уж, – философски протянула я по-Воробьяниновски, – не знаю что сказать. Я, если бы даже и хотела устроить скандал, не сумела бы.

– Кто это тебе сказал? Настоящая женщина из ничего может сделать три вещи: шляпку, салат и скандал.

– Ух ты! – я искренне порадовалась, что у меня очень интересная собеседница, и знает высказывания известных личностей, но остановила ее прямым укором, – но мы с тобой не настоящие.

– Почему это?

– Потому что ты не сможешь сделать салат, а я скандал.

– Но мы станем настоящими. Ты научишь меня готовить – а я тебя постоять за себя.

– Да! – уверено сказала я.

– Мы создадим, – Таша прищурилась, – золотую серединку. Ты слишком положительная, я какая-то отрицательная. Нас надо вместе сложить в один казан, перемешать и выйдет идеальная женщина!

– Это же сколько нужно мешать! Да и состав наших качеств настолько разный, что могу себе только представить, как тяжело будет повару или поварам. Нам, то есть, – философски заметила я. Но у нас время есть. Ты только представь себе какими мы станем!

– Мне уже не терпится.

– Не гони лошадей. Надо хорошенько поработать, чтобы получить хороший результат.

– Не надо откладывать. Итак, когда приступаем к плану «Кирилл»? Давай, прям завтра?

– Нет. Не будем спешить. Я тебя должна подготовить. Рассказать что он любит, и потом мне правда нужна помощь в офисе. Давай ты недельку-другую поработаешь, а потом уже начнем действовать.

– Ладно. – Согласилась Таша и по-мужски пожала мне руку.

Глава четвертая

Две недели пролетели незаметно. Всё рабочее и свободное время мы с Ташей проводили вместе. После работы ужинали в ресторане, там строили планы, рассказывали каждая о своей семейной жизни, делились советами и расходились по домам только чтобы выспаться и назавтра встретиться опять.

– Таш, ты очень умная девочка. За эти две недели я больше узнала от тебя, чем ты от меня! А с компом и всеми этими программками ты вообще меня удивила!

– Самая моя любимая игрушка была – ноутбук. Но я его разбила об голову Эдика. Когда ушла.

– Какая ты вспыльчивая, – засмеялась я.

– Можно я тебе расскажу о чем мечтаю? – смущаясь, спросила Таша.

– Конечно, мне очень интересно.

– Я в следующем году хочу поступить на литературный. Хочу научиться писать книги. Такого поворота я не ожидала и поэтому замерла.

– Но, наверное, это нереально, да? – Таша заметила моё замешательство.

– Нет ничего невозможного. Просто, мне казалось, к литературному факультету надо иметь не только желание, но и способности. И потом, у тебя такая замечательная специальность, – и я кивнула на кипу бумажек на её столе.

Таша пожала плечами.

– Ты пишешь? Ты написала хоть что-нибудь?

– Да, – призналась подруга, – только Эдик, прочитав один мой рассказ, попросил меня больше никогда не давать ему читать эту... ерунду.

– Твой Эдик для нас не авторитет. Если ты пишешь – значит тебе это нравится. А человек должен заниматься тем, что ему нравится. Так он будет счастлив. По крайней мере, так пишут в книжках... И ещё – у человека должна быть мечта и он должен к ней идти.

– Только у меня времени для этого нет. – Таша опустила голову.

– Время есть всегда. Просто его надо правильно распределить.

– Чтобы поступить – мне надо вспомнить всю школьную программу.

– Нет, это будет твоё второе высшее образование. И оно делается быстрее и легче, чем первое.

– А тебе нравится твоя работа? Ты не хочешь поменять специальность?

– Мне очень нравится! – призналась я. – И менять её я не хочу.

– Это клёво! – вздохнула Таша.

– Только вот счастья от одной работы получать мало. Надо чтобы был баланс. Но ничего, мы идем к этому балансу, и ты будешь заниматься тем, что тебе нравится. Главное – очень сильно хотеть и идти к своей цели.

– Я буду стараться, – пообещала Таша.

Глава пятая

День X, когда Таше предстояло познакомиться с моим мужем, был назначен на пятницу.

– В последний рабочий день недели он точно захочет расслабиться и пойдет обедать в ресторан «Недалёкий восток». Ты знаешь что делать и ты не подведешь меня, правда? – спросила я у Таши.

– Никогда и ни за что я тебя не подведу.

– И помни главное – ему наскучила нормальная лексика. Тебе надо с ним разговаривать так, как ты тогда говорила со мной, когда мы подрались.

– А если ему понравится?

– Так и должно быть. Представь, что человек семь лет подряд из фруктов ел одни яблоки. Вечерами он листал журналы, находил в них другие экзотические фрукты, но попробовать у него никак не получалось. Что же ты думаешь, неужели он не попробует манго если вдруг такая удача подвернется. Конечно, попробует!

– Ох, что-то мне не очень нравится быть в роли манго, – недовольно пробурчала Таша.

– Перестань! Это аллегория.

– Это аллегория ругательная, и прошу её ко мне не применять! – подражая Ивану Васильевичу Бунше, прочеканила Таша.

Мы рассмеялись.

– Нет, мне конечно нравится аллегория, но не со мной в главной роли. Ладно, я всё поняла. Обещаю не подвести тебя. Всё, я пошла?

– Давай, я еду домой и буду ждать тебя там. Сразу ко мне, хорошо?

– Договорились!

Таша пришла около девяти часов. Я к этому времени вся извелась. Положительным моментом было то, что она его подцепила. Иначе, где бы она пропадала два часа. Отрицательных моментов было множество. Я боялась, что Кирилл её раскусит. Потому что я очень хорошо подготовила Ташу: она знала все слабости Кирилла, какую музыку, какую еду, какую одежду он предпочитает, я рассказала какие позы он предпочитает в постели. Хотя, когда представляла себе, что может сейчас она в его объятиях, меня бросало в жар. Ещё я очень боялась, что Таша влюбится в него. Ташка, при всей своей «крутости» и умении постоять за себя была очень хрупкой и совершенно не опытной. Но больше всего я боялась, что Кирилл влюбится в неё. Ведь именно такие женщины, как Таша, ему всегда нравились.

– Как ты могла прожить с этим отморожком целых семь лет? – с порога спросила меня Таша.

– Слава Богу, ты не влюбилась в него! – я кинулась её обнимать.

– В этого «Мистера Самый Умный Дурак на свете»? Да ни за что!

– А он в тебя?

– Он заинтересовался мной, скажу тебе честно. Но не так, как ты думаешь.

– А как я думаю? – на самом деле я действительно не знала, как я думаю, и как Таша думает, что я думаю.

– Он приглашал меня к себе. Лучше сказать – не приглашал, а умолял. Неужели его некому утешить?

– Странно. Возле него постоянно кто-то крутился. Думаю, ты ему действительно понравилась.

– Разве нам не это надо? Я должна ему понравиться, для того чтобы потом разонравиться на всю жизнь.

– Как вы расстались?

– Я дала ему номер своего мобильного. – Скривилась Таша, – выпросил.

Спала я ужасно. Всю ночь мне снилось, что Таша на моих глазах целуется с Кириллом. Я просыпалась, пила воду, опять засыпала и в таких муках провела всю ночь. Утром обо всем рассказала Таше.

– Мне не нужен твой Кирилл. Я хочу вернуть своего мужа.

– Тогда, я думаю, тебе пора начинать учиться готовить.

Таша вздохнула:

– Ненавижу!

– Потому что у тебя не получалось. А когда получится один салатик, другой, когда ты приготовишь пельмени своими ручками, сваришь их и тебе самой понравится – тогда ты перестанешь бояться и будешь готовить с удовольствием.

На самом деле я ей врала. Я не любила готовить. Хотя, всем говорила, что обожаю. Надо же было как-то оправдывать саму себя, что я всё своё свободное время проводила на кухне, чтобы удовлетворить все гастрономические удовольствия своего супруга, удивить его, а самое главное, показать ему насколько я хорошая, ну, к чему скромничать – идеальная жена.

Конечно, и мне всё далось не сразу. Были и слезы и даже истерики. Только всё это не выливалось ни на кого, а гасилось, как сода с уксусом – на моей кухне в гордом одиночестве.

Могу признаться, что на кулинарные книги я потратила несколько своих огромных зарплат. И, как мне тогда казалось, я всё делала правильно. У настоящей хозяйки должны быть кулинарные книги. Считаю ли я так сейчас?

Скажу честно – я уже в этом сомневаюсь...

– Пельмени? Самой лепить? Зачем? – Таша на меня смотрела широко открытыми от удивления глазами.

– Потому что домашние пельмени не сравнить с магазинными. Вот именно этим мы и займемся сегодня. Идем в магазин!

И мы вместе пошли в магазин, купили всё необходимые продукты и направились к Таше. Она, под моим руководством, приготовила тесто на пельмени, а также смешала фарш со специями и различными травками. Но когда начала раскатывать тесто, зазвонил её мобильный телефон. Мы обе вздрогнули, она, грязными руками схватилась за трубку и прошептала «Але». Это был Кирилл.

– Здравствуй, моя солнечная девочка, – пролепетал он в трубку.

Я подставила ухо к телефону и услышала его голос.

– Здравствуй, Кирилл, – спокойно ответила Таша.

– Какие у тебя планы на сегодня? Может встретимся?

– К сожалению сегодня не получится. Я на даче у друзей.

– А завтра?

– Может быть, – Таша кокетничала, и мне пришлось её одёрнуть, чтобы она не строила гримасы, а держала себя в руках.

– Тогда завтра в четыре, на том же месте.

– Постараюсь, – уже серьезно произнесла Таша, нажала на красную кнопку и с опаской посмотрела на меня.

– Раскатывай тесто, – кивнула я на стол.

– Ир, ну чего ты злишься? Ты же сама всё это придумала!

- Я не злюсь, Таш, я... просто боюсь.
- Чего?
- Что ты в него влюбишься, что он тебя полюбит...
- Я? В него? Он же отморозок!

Зазвонил мой мобильный. На экране высветилось имя «Кирилл».

- Это он, – шепотом сообщила я Таше.
- Поднимай.

Я нажала на кнопку:

- Здравствуй, – услышала я такой родной голос.
- Здравствуй, Кирилл.
- Что делаешь?

Ташка тоже тянулась ухом к телефону, чтобы слышать наш разговор.

- На роликах катаюсь, – зашептала она мне во второе ухо.
- На роликах катаюсь, – повторила я за подругой, а сама выпучила глаза от удивления.
- Шутишь? Ты, и на роликах?
- Погода отличная, видимо Бабье лето настало, – ответила я, а сама продолжала удивленно смотреть на Ташу.

- Ну... так может, прокатимся вместе? У меня есть к тебе разговор.

Таша закивала головой, чтобы я соглашалась.

- Давай, – еле слышно прошептала я.
- Тогда у твоего дома через час.

Я положила трубку и уставилась на Ташу.

- Я не умею кататься на роликах. Да и самих роликов у меня нет!
- У меня есть. – Ответила Таша. Давай ключи от своей квартиры – я сгоняю и принесу тебе вещи.

Через пять минут она уже командовала: Так, вот эти брючки-дудочки надень, вот эту футболку, а вот эту спортивную кофточку завяжи на бедрах. Быстрей, одевайся! У меня есть всего двадцать минут, чтобы научить тебя кататься.

Я напялила на себя всё, что мне дала Таша, расправилась со всеми липучками для роликов, обула их и встала на ноги. Таша крутилась возле меня и осматривала, как статую.

- Вот этот шарфик повяжем, а волосы быстренько заплетай в косички.
- Ты с ума сошла? Какие косички? Мне скоро тридцатник стукнет!
- Быстро, я сказала. Времени нет.

Она разделила волосы пробором надвое и стала заплетать одну косичку. Мне пришлось заплести вторую.

- А теперь на улицу, быстро!

Я еле-еле проковыляла к лифту, мы спустились вниз и Таша вместо того, чтобы начать меня обучать кататься на роликах, кинулась к клумбе с цветами и сорвала темно красную астру.

- Вот чего не хватало для полного образа, – и воткнула мне в голову.
- Ты меня будешь учить кататься? – не сдержавшись, крикнула я.
- Это очень просто. Отталкивайся одной ногой, да, вот так, а другую вытягивай и весь вес переводи на другую ногу. Вот так, молодец. Ты, наверное, на коньках умеешь кататься?

– Да, – ответила я, – три года занималась фигурным катанием, пока моим родителям не сообщили страшную новость – явного таланта у меня к этому нет. И тогда они сосредоточились на иностранных языках.

– Ну и молодцы. Ты стоишь замечательно. И двигаешься тоже прилично. Прямо настоящая фигуристка! – похвалила меня Таша.

У меня действительно получилось с первого раза.

– Только с горки не катайся, а то убьёшься. Только по прямой. Да, молодец. Ну что? Ещё пятнадцать минут у тебя есть. Я иду наверх, чтоб он не дай Бог меня не заметил, а ты катайся тут. И помни главное: улыбайся, притворяйся, что безумно счастлива, ни в коем случае не унижайся перед ним...

– Интересно, о чем он собирается со мной поговорить?

– Есть только два варианта: либо он хочет помириться, либо будет просить подписать все бумаги на развод.

– Что?

– Хорошо, что я тебя предупредила, а то вид у тебя жалкий. Если попросит развод – улыбнись и скажи, что в любое время, в любом месте.

– Не смогу, – захныкала я.

– Сможешь. Представь себе, что у тебя есть другой. Которого ты обожаешь. А этот, так... просто доставучка, которая мешает тебе стать счастливой.

– Да я когда его вижу теряю дыхание!

– Теряй всё, что хочешь! Но только не чувство собственного достоинства. Поняла?

– Да, – вздохнула я, – то есть нет.

– Вот и хорошо! Всё, я убежала, катись, не стой на месте!

– Когда я вернусь, чтоб пельмени были готовы, поняла? – крикнула я вслед подруге.

– Да, моя госпожа, – хитро улыбнулась Таша и нырнула в подъезд. А я проехала к набережной и стала там кататься взад-вперед. Через минут пять увидела Кирилла.

– Шикарно выглядишь! – он подошел ко мне ближе, и как Таша разглядывала меня со всех сторон, так и он, взяв за руку, прокрутил вокруг себя, внимательно рассматривая.

– Спасибо, – еле прошептала я и почувствовала, что покрываюсь краской стыда.

– Хотел с тобой поговорить. Только вот не знаю где. Рестораны и кафешки ты презираешь...

– Я? Презираю? С чего ты взял? – спокойно возразила я, – тут за углом пиццерия есть, мне она очень нравится. Может, пойдем?

– Ты меня что, решила добить сегодня? Модные брючки, косички, ролики, теперь ещё и пицца?

– Хватит ныть, поехали туда! – и я оттолкнулась и покатилась к пиццерии.

Официант меня узнал, улыбнулся и на мое счастье спросил:

– Всё ту же пиццу с беконом и анчоусами?

– Да, и капучино, – машинально ответила я и взглянула на Кирилла.

Он действительно был шокирован.

– Мне пиццу с морепродуктами, если есть и эспresso.

– Итак, о чем ты хотел поговорить? – я улыбнулась и поправила цветок в волосах.

– Да так, просто, – промямлил он.

– Искал предлог как меня увидеть?

– Нет, я хотел о разводе поговорить, – ответил он негромко.

– О разводе? Не вижу никаких проблем. Подавай на развод, я приду, распишусь, где надо и мы навсегда перестанем быть мужем и женой. – Сказала я, улыбаясь, хотя мне было совсем не до улыбок. Хотелось развеяться от обиды. Единственное, что меня останавливало – что он говорил о разводе с осторожностью и нерешительностью.

– Договорились, – согласился он, но потом взглянул на меня как-то по-доброму и спросил: – Ну как ты, вообще?

– Всё отлично, – соврала я. – А ты как?

– Тоже хорошо.

Разговор не клеился. Я вспоминала о чем меня учила Таша: улыбаться, кокетничать, строить глазки. Учить то она меня учила, но ничему не научила. Стоило мне поднять глаза на Кирилла и вся ее наука куда-то улетучивалась.

Принесли пиццу, я откусила кусок и от удовольствия закрыла глаза. Конечно, пицца не была так вкусна, как я ее обыграла, но Кирилл мне поверил.

– У тебя появился другой? – спросил он, когда я глотнула пиццу, едва ее прожевав.

К такому вопросу я была не готова и подавилась, закашлялась и протянула руки к капучино, чтобы запить застрявший в горле кусок.

Но после того, как всё нормализовалось, я пила кофе и смотрела в окно, как будто никакого вопроса и не было. Потому что не знала, как мне ответить на него. Этого мы с Ташей не проходили.

– Понятно, значит, у тебя действительно что-то поменялось в жизни, – предположил Кирилл.

Я только загадочно пожала плечами и еле заметно улыбнулась.

Остальные десять минут мы доедали пиццу молча. Я думала о том, чтобы мне у него спросить, чтоб завязать разговор, но так ничего и не придумала. О чем думал Кирилл я не знаю, но заметила, что пиццу он ел не получая удовольствия, как это случалось раньше. Оставив на тарелке два куска, он встал и сказал:

– Я позвоню тебе, как только все документы будут готовы.

Я только кивнула и опять еле заметно улыбнулась. Только на этот раз улыбка вышла дежурной, что его ещё больше разозлило и он, швырнув на стол деньги для официанта, ушел не оглядываясь.

Когда я всё рассказала Ташке, она обрадовалась и сказала, что я большая умница, и самая лучшая ученица на свете.

– А я думала, ты меня ругать начнешь.

– За что? – удивилась Таша.

– За то, что я ему не сказала, что у меня есть другой. Или, что его нет.

– Самое главное в нашем женском деле, чтобы мужчина не знал правду и постоянно сомневался: а может у нее есть другой мужчина? Или, может, у нее было плохое настроение? А может, у нее никого нет, и она меня дразнит?

– И что нам это даёт?

– По крайней мере одно – он думает о тебе. И не забивает голову всякими пацанками, вроде меня. А завтра я нанесу сокрушительный удар!

– Как?

– Я устрою ему скандал, – улыбнулась Таша.

– Только осторожней – он не знает что это такое. Вдруг ему с перепугу понравится?

– Скандал в моем исполнении не может понравиться. Поверь мне. Он выгонит меня из дому сразу же. И никакого секса не будет.

– Очень надеюсь, – успокоилась я и предложила Таше пройти на кухню. – Очень хочется посмотреть, как поживают пельмени.

Таша сделала реверанс и пропустила меня первой на кухню.

На столе красовались сырые пельмешки – красавцы, один в один похожие друг на друга.

– Какая ты умничка! – похвалила я подругу. – А теперь давай я научу, как их отварить.

– Так это просто. Как закипит вода – кинуть пельмени и варить 5 минут.

– Только воду надо посолить, положить туда пару листиков лаврового листа, несколько горошин черного перца и ложку сливочного масла.

Таша только закатила глаза и вздохнула.

– И это ещё не всё. Обязательно надо узнать об этом блюде кое-что интересное.

Таша закрыла лицо руками и пробурчала:

– Пельмени – это сибирская национальная еда. Так?

– Вообще-то пельмени имеют китайские корни. В средние века они были известны только на территории Китая и соседних стран.

– Да? – Таша подняла левую бровь и сделала очень заинтересованное лицо.

– Да! В Монголии, например. Но так же есть версии возникновения пельменей независимо друг от друга в разных частях света.

Таша опять меня перебила:

– И со всего света пельмени стали стекаться в Монголию! Так и вижу – огромные повозки с пельменями стоят на границе с Монголией. Да? – она хихикнула.

– Нет. Ты не умничай, а слушай: вначале пельмени попали на Кавказ и в Среднюю Азию, затем в Сибирь, где рецепт прочно укрепился и принял современную форму. Особенно популярны стали пельмени среди кочевых народов, рацион которых состоял в основном из мясных блюд, а также среди сибирских народов за несомненное удобство пельменей – делались они один раз осенью и замораживались на всю зиму, а готовились по необходимости.

Последнюю информацию Таша слушала с закрытым ртом, но активно кивала головой.

– Ну и что тебе не нравится? – закончив пельменную лекцию спросила я подругу.

– То, что это скукота смертная.

– Почему? Разве тебе не интересно откуда произошло слово пельмень?

– Ах, это ещё не конец лекции? – вопросом на вопрос ответила подруга.

– Происхождение слова «пельмень», скорее всего, имеет финно-угорские корни. Это искажённые два слова «пель» – ухо и «нянь» – хлеб.

– Теперь можно и умереть! – восхитилась Таша моими знаниями. – Но ты хоть понимаешь, что это скучно?

– Почему? Кирилл никогда не жаловался. И всегда с интересом слушал меня.

– Я, так полагаю, эти лекции были ежедневными?

– Нет, конечно. Только тогда, когда я готовила что-то новенькое.

– Всё равно перебор. Бедный Кирилл. Я начинаю его понимать.

– А я не понимаю. Чем плохо хоть раз в неделю узнавать что-то новое и интересное? – возмущенно спросила я.

– А ты подумала, как он себя чувствует в эти моменты? – спокойно поинтересовалась Таша, – а я тебе отвечу – чувствует он себя как последнее чмо!

– Таша! – возмутилась я.

– Именно чмо! Другого определения я найти не могу, извини! Ты только представь – сидит за столом семейная пара, жуёт пельмени. И тут мадам Умка встает и начинает ходить вокруг стола с указкой и рассматривать, как биологичка, пельменя в разрезе! И это хорошо, если просто рассказывать. А если она решит вызвать нерадивого ученика и спросить его: – А ну-ка, дружок, скажи, в каком веке появился пельмень? И как он выглядел до нашей эры?

– Не смешно!

– Хочешь сказать, что не задавала ему этих вопросов. – Таша поставила руки в боки.

– Только сначала, для того, чтобы задать тему разговора. И всё это было как бы между прочим. И ему всегда было интересно! Он даже хвастался друзьям, что я специально подготавливаю для него каждый день какую-то новую и интересную информацию и преподношу её ему. Поняла? Ему нравилось это! – выкрикнула я.

– Если бы ему нравилось, то и он бы стал такие викторины устраивать. Для тебя. Но что-то мне подсказывает, что они существовали только в одних воротах, где вратарем был бедный Кирилл.

– Пожалей его ещё, – я немного успокоилась. Наверное потому, что поняла, что Таша во многом права. И даже вспомнила несколько случаев, когда Кирилл садился за стол и спрашивал:

– Где там у нас родилась картошка пюре?

– Что там у нас с родиной кукурузы?

– В каком веке и где пересеклись котлетки с тефтелями?

Мы вместе смеялись, а потом я ему рассказывала и про тефтели, и про котлеты, и про кукурузу.

Таша смотрела на меня с сочувствием.

– Ладно, ладно, я всё поняла! Впредь постараюсь не умничать. А ты не смотри на меня с сожалением, а вари пельмени!

Таша, довольная, что я послушалась её совета кивнула, засыпала в кастрюлю соль, добавила лавровый лист, перец горошком и уже через пятнадцать минут мы поедали пельмени со сметаной.

– Ну как? Ну, скажи, правда вкусные!

– Не то слово! Вкусней никогда не ела, – хвалила я подругу, и на самом деле не лукавила: пельмени были вкусней моих.

– Тогда открываю тебе страшный секрет! – Таша вытащила из морозилки упаковку пельменей и протянула мне: – Па-а-а-а-б-а-а-а-ам! – пропела она, – Пельмени сибирские, сорт высший.

Я смотрела на упаковку и ничего не могла понять.

– Я открыла упаковку, обвалила их в муке, и преподнесла тебе, как будто я их слепила сама. Поняла?

– А где же тесто и фарш?

– В холодильнике.

Я молчала. Думала. Пельмени действительно были очень вкусными, хоть и сделаны не своими ручками.

– Сердишься? – спросила Таша.

– Нет, конечно. Теперь буду знать, что и в магазине можно купить очень вкусные полуфабрикаты. И не тратить на это свое драгоценное время.

– А что делать с тестом и фаршем?

– Мы завтра сделаем чебуреки! Я тебя научу. Хотя... – я задумалась, – может они и в магазинах продаются?

– Продаются, но мне не нравятся.

– Вот тогда сделаем и пожарим их завтра. Сами, своими ручками.

– Научи меня делать пирожки из дрожжевого теста! – попросила Таша.

– Обязательно научу! Но самая большая вкуснятина на свете – говорила я с набитым ртом, – это кулебяка! Вот если ты её научишься готовить – Эдик будет у тебя на коленях жить.

– Угу, то-то я смотрю, твой Кирилл ползает по кухне и упирается в твои нижние конечности.

– Ой-ой-ой! – скривилась я и засунула ещё один пельмень в рот, – он мне просто надоел, и я его выкинула на улицу.

Таша на меня так посмотрела и засмеялась, что и я не сдержалась и тоже рассмеялась. Потом мы ещё долго хохотали и представляли своих мужчин ползающими по кухне в поиске кулебяки.

Глава шестая

Чебуреки и пирожки приготовить в воскресенье не удалось. Кирилл позвонил Таше рано утром, чтобы удостовериться, что она придет в четыре часа к нему на встречу. Таша ответила положительно и я с ней в деталях обсудила как ей себя вести.

– Да понятно всё, я чё тебе лошара какай-то, мне по тыщу раз объяснять не надо. Врубаюсь, как рубильник, с первого раза!

– Понятливая ты моя, – засмеялась я.

Таша вернулась ровно через два часа. Начинала рассказывать, смеялась, начинала рассказывать опять, углублялась в какие-то детали и опять хохотала.

– Давай с самого начала! – попросила я. Хотя Таша сразу и сообщила мне, что секса не было, я всё равно хотела знать в мельчайших подробностях.

– Ну, встретились мы с ним в ресторане. Я ему такая: слушай, я хавать не очень хочу. А он: а что же ты хочешь? А я: в гости к тебе хочу. Он обрадовался, запрыгал возле меня, как зайчик, и говорит: пошли. Чистота, я тебе скажу у него просто нереальная!

– Ну да, – не удивилась я, – он очень аккуратный.

– Я то не знала, что он такой чистюля, прям сначала перепугалась – его ли эта квартира, да и вообще он ли? И говорю ему: кофе приготовь мне. Нагло так говорю, специально. Но он проглотил, как ни странно, и метнулся на кухню. Поставил чайник, насыпал в чашку кофе, залил кипятком и подает мне эту бодягу. Я руки в боки поставила и говорю: чё за ересь ты тут намешал? Я такое не пью. А сама раз и села на стол, ноги специально раздвигаю, заманиваю. Он вроде и хочет подойти, да боится, держит в руках чашку с кофе и косится на мои голые колени.

– Ну? А дальше что?

– А дальше я прыгаю со стола и такой элегантно-сексуальной походкой подхожу к нему. Он думал, что я пристаю к нему начну, а я взяла из его рук чашку и каааак треснула её об стенку! – Таша залилась смехом.

– А он?

– Видела бы ты его глаза! Он был не просто ошарашен, он был в таком ауте, что я даже побоялась, чтобы он меня не убил.

– Он не тронул тебя? – испугалась я.

– Да говорю же, нет. Он в шоке был! Я этим воспользовалась и ушла. А на прощанье крикнула ему: Я тебе не лошара какая-то пить растворимый кофе!

– Ты так быстро ушла?

– Ну а чё? Я свою работу выполнила. Теперь он наверняка считает меня сумасшедшей.

– Уверена? А вдруг он догадается, что это я тебя подговорила?

– На это у него не хватит мозгов!

– Да ладно тебе! Он не дурак.

– Дурак. Просто твоя любовь застилает тебе глаза.

– Что теперь делать?

– Ждать звонка. Он стопудово тебе позвонит!

– Не думаю.

– Ты просто не знаешь мужчин.

– И что я ему скажу?

– Вот это очень интересная часть и мы должны её тщательно подготовить.

– Что именно? – не поняла я.

– Стратегию. Он позвонит тебе или сегодня, или завтра. – Уверенно сказала подруга.

Я замотала головой.

– Говорю тебе – позвонит, значит позвонит. Но! – Таша подняла указательный палец вверх: – ты скажешь, что занята.

– Почему?

– Потому что нам надо, чтобы он немного понервничал. Чтобы ещё раз подумал о том, что у тебя есть другой, и о том, что девочки в его вкусе ему не по зубам: они слишком ветрены, вспыльчивы и непредсказуемы. Ещё он должен понять, что ты была для него идеальной женщиной... за исключением чего-то. Ну там, рестораны не любила, убирать за собой заставляла...

– Да ничего я не заставляла. У меня домработница есть – она и убирает в доме.

– Ах вот в чем дело! Чего же ты раньше молчала? А то я как не приду – у тебя чистота идеальная. И мне прям, не верилось, что всю эту чистоту ты наводила.

– Не отвлекайся. Рассказывай дальше, что мне следует сделать.

– Тебе следует первый раз сказать ему, что ты занята. А во второй раз согласиться встретиться и поразить его чем-нибудь.

– Чем?

– Не знаю ещё. Надо подумать. Пусть всё идёт, как идёт. А сейчас самое время идти делать чебуреки и поговорить о том, как ты познакомишься с моим мужем.

– Ты уверена, что ты этого хочешь?

– На все сто! Видела бы ты испуганные глаза своего благоверного! Хочу, чтобы у моего тоже были такие глаза!

Мы решили не давать тесту и фаршу испортиться и направились к Таше, чтобы приготовить и побаловать себя чебуреками. Мы сразу прошли на кухню, я стала учить Ташу как лепить чебуреки, и по ходу мы продолжали с ней обсуждать мою предстоящую встречу с Ташиным мужем.

– Мой не дурак. И тебе так прямо вести себя не стоит. Надо растянуть хотя бы на три встречи. На первой встрече просто надо строить из себя интеллигенцию.

Я её перебила:

– Что значит строить?

– Я имела в виду, – улыбнулась Таша, – просто быть собой. Чтобы он клюнул.

– Согласна.

– На второй встрече стоит ему указать на несколько недостатков.

– Например?

– Можно спросить мыл ли он руки, можно постоянно принохиваться и через минут десять, когда он уже заметит это, спросить: а ты носки часто меняешь?

– Грубовато, Таш.

Таша скривилась:

– Ну тогда... не ты ли испортил воздух?

– Это ещё грубее!

– У меня голова слабо соображает... после шикарного кофе, – засмеялась Таша, – предложи ты.

– Ну, – я стала думать, – может просто заметить, что эта рубашка не сочетается с этим галстуком?

– А откуда ты знаешь, что он носит галстуки?

– Понятное дело – раз интеллигенция, значит, просто обязан.

– Мне нравится ход твоей мысли.

– Ещё можно сказать, что ненавижу рестораны.

– Кстати! Получается, что встретить друг друга вы должны где угодно – только не в ресторане.

– Может в магазине? Я буду стоять и капризно выбирать обезжиренные продукты?

– Отличная мысль! – засмеялась подруга.

– И ещё ему предложу какой-нибудь противный йогурт.

- Соевый! – воскликнула Таша.
 - Он предпочитает соевые йогурты? – удивилась я.
 - Представь себе.
 - Это же такая...
 - Бяка, – закончила за меня фразу Таша, но потом посмотрела на меня с такой хитрецей в глазах и спросила: – Ты ведь тоже покупаешь соевые йогурты?
 - Да. Потому что они полезны.
 - Какой бред, – покачала головой Таша, – питаться надо тем, что тебе нравится.
 - И тем, что полезно тоже!
 - Ой, не знаю...
 - Хватит ныть. Лучше скажи, как я узнаю твоего Эдика? Тебя уж точно не должно быть рядом.
 - Мы можем проследить, как он выйдет из подъезда. Он ходит по магазинам по выходным, с утра.
 - Надеюсь, что в субботу мы его и выловим. А теперь самый главный вопрос: он по-русски понимает?
 - Ещё как! Говорит практически без акцента. Три года учил. Он вообще помешан на России, на истории, географии и ещё куче всего российского! А ты на английском не говоришь разве?
 - Говорю конечно. Но всё-таки описать в деталях мою тонкую душу хотелось бы на русском.
 - А чё её описывать? Она у тебя, как на ладони.
 - Или как на лАдане, – пошутила я, – в смысле, что от неё уже почти ничего не осталось.
 - У тебя всё в полном порядке! – уверила меня Таша.
 - Раз так, то у меня есть к тебе просьба. Хотела попросить почитать хоть один твой рассказ.
- Таша засмушалась:
- Может не стоит? Понимаешь, если ещё хоть один человек скажет, что я гоню пургу, мне...
 - А ты ещё кому-нибудь давала читать кроме Эдика?
 - Своей сестре давала, – призналась Таша.
 - Это той, которая панк?
 - Ага, – Таша улыбнулась.
 - Неси сюда свои рассказы, – ласково приказала я.
- Таша побежала в комнату и принесла всего три листочка.
- И это всё?
 - Если ты поймёшь этот рассказ, я дам тебе другой.
 - Ах, тут ещё и понимать надо? Это я люблю. Значит так, под руку смотреть не надо, я пойду в гостиную, а ты пока делай чебуреки, договорились?

Таша кивнула.

Я взяла три листика и пошла в гостиную.

Рассказ назывался:

«Вера, Надежда, Любовь»

Верочка Вопросайко работала в библиотеке уже более десяти лет. Она очень любила свою пыльную конторку, но больше всего она обожала вторник и пятницу, когда работала «раздавалкой книг». Вечерами она возвращалась в свою одинокую комнату в коммуналке, листала любимые книги и мечтала о чём-то великом. В тот самый вторник она сидела в

приёмной и раздавала книги жаждущим знаний посетителям. Её она заметила, как только он вошел в просторный холл библиотеки, снял кепочку и встал в очередь за белокурой красавицей, которой нужна была книга о венерических болезнях. Верочка Валерьевна с неприязнью взяла у блондинки библиотечную карту и указала на полку, где хранились возжеланные знания. Следующим был он – смуглый брюнет с монголоидными глазами. «Какие умные глаза! Вот бы с ним вместе написать диссертацию...» – подумала Верочка и поправила ярко фиолетовый берет на голове.

– Объектом моего исследования является судьба человека как субъектно-объектная феноменальная реальность, – с волнением произнёс брюнет, снял очки, но потом опять нацепил их себе на нос.

Верочка кокетливо, насколько ей позволяла врождённая скромность и воспитание, улыбнулась, и спросила:

– Вы имеете в виду ценностно-смысловую структуру судьбы человека и её отражение в гуманитарном самосознании?

Брюнет опять снял очки, широко, насколько ему позволяла природа, распахнул свои монголоидные глаза и, кивая, от радости, что его понимают, затараторил:

– Да, философско-антропологический анализ судьбы человека, как фундаментальная категория гуманитарного знания, а так же познание сущностной характеристики философско-антропологического подхода к судьбе человека – это очень интересный аспект, Вы не находите?

Верочка встrepенулась и, понимая, кивнув брюнету, побежала куда-то к полкам с книгами, прихватила с верхней три тяжелых тома и, указав своему новому знакомому на выход, сообщила своей напарнице:

– Я буду завтра.

– Сомневаюсь, – прошептал брюнет Верочкиной напарнице и, смущаясь, опустил глаза.

Любочка Сердцеедочка относилась к тем женщинам, которые любили деньги и красивых мужчин. А так как эти две составляющие не являлись ей в одном флаконе, как любимый шампунь и кондиционер «Голова и Плечи», она довольствовалась ими поодиночке: сегодня деньги – завтра красивый мужчина, или наоборот. Она не обладала таким широким запасом слов, как негр из людоедского племени Тумбо-Юмбо, но зато ее словарный запас более чем в три раза превышал запас Элочки Людоедки. В основном она высказывалась междометиями, а то, что не могла выразить словами, заменяла взглядами: пылкими, жаркими, или, наоборот, снисходительными и пренебрежительными.

Так, буквально на днях, её кошелек заметно прибавил в весе от нового знакомства с греческим господином пенсионного возраста, и, тем самым, баланс в её непростой жизни был слегка нарушен. Она решительно направилась на пляж. За красотой.

И сразу нашла её. Он шёл: стройный, накаченный, грациозный, элегантный.

Его монголоидные глаза и, местами обесцвеченные жарким солнцем темные волосы, выгодно оттенял шоколадный загар. Он сразу взял её за руку, она прижалась к нему всем телом и на выдохе вымолвила только обречённое «О, боже!». Его губы пахли кофе, а маленькие шоколадные кубики на упругом торсе вызвали такую бурю восторга у Любочки, что она,

раскрыв свой потрясающий мягкий и теплый ротик, и вытянув губки в дудочку, принялась считать кубики на торсе красавца:

– Ох, Ах, Ух, – ее тонкий пальчик слегка прикасался к накаченному торсу незнакомца. Незнакомец улыбнулся и томным голосом произнёс:
– Восемь.

Любочка произнесла мягкое «Вау!» и протянула ему свою ручку. Мужчина поцеловал протянутую ему для поцелуя конечность и, вытащив из кармана упругий, кожаный кошелек предложил:

– Могу я угостить даму коктейлем?

Про себя Любочка подумала о том, что с таким мужчиной она готова всю жизнь пить коктейли в ресторане на Монмартре, слушать прибой океана на балконе его шикарной виллы... Много о чём подумала Любочка, но озвучить смогла только:

– О, создатель!

Мужчина взял её под ручку и не спеша повел в те места, где она ещё не бывала, чтобы открыть для неё те двери, в которые она ещё не стучала, и чтобы показать ей то, что она ещё не видала...

Наденька Рискоманова больше всего на свете любила острые ощущения и зашкаливающий уровень адреналина в крови. Одни люди называли её странной, другие придурковатой, третьи надеялись, что она перебесится, но только Наденька никогда не слушала то, о чем говорит народ и мечтала каждый новый день прожить так, чтобы не было мучительно скучно.

Чего только она не пробовала! Например, совсем недавно она, прогуливаясь по городу, очень захотела белого шоколада. В этот момент, стоит заметить, уровень адреналина в её беспокойной кровушке имел совсем низкую отметку, и чтобы удовлетворить себя сразу по двум пунктам, Наденька сняла с ноги один чулок, натянула на голову, и вошла в здание банка. В руках у нее был игрушечный пистолет, который выглядел как настоящий, и дамская черная сумочка. Если бы сумочка была чуть побольше, ей можно было бы не волноваться за старость, но и украденных денег ей вполне бы хватило на десять лет счастливой жизни. Но, к сожалению, Наденька никогда не задумывалась о старости, а сами деньги её интересовали только как возможность повысить уровень адреналина в крови.

С Григорием Прииёлконец Наденька познакомилась именно в том банке, который ограбила. Она взяла его в заложники, чуть позже угостила белым шоколадом и уже тогда поняла, что нашла родственную душу.

– А может быть прыгнуть с парашютом? – мечтательно предложила Наденька, пересчитывая денежные купюры.

– Хорошая идея, – Григорий Аполлонович отпил от чашки ароматный кофе, прищурил свои монголоидные глазки и подмигнул Наденьке.

– Только, чур, я первая прыгаю!

– Ой, Наденька! – удивился товарищ Прииёлконец, – так ты хочешь быть первой? Чего же, дуреха, раньше молчала?

Я прочитала рассказ и направилась на кухню.

– Таш, просто замечательно! – сразу похвалила я подругу.

- Ты меня сейчас специально успокаиваешь?
- Нет. Я говорю правду. Мне очень понравился рассказ.
- И ты его поняла?
- Конечно! Что тут непонятного?
- Тогда скажи, что я хотела сказать этим рассказом?
- То, что Вера у тебя основана на здравом смысле, на каких то познаниях, что Любовь на красоте, на чувствах, а Надежда на чем-то совершенно непостижимом. И ещё, что на самом деле это чистая случайность, что Надежда умирает последней.
- Офигеть! – воскликнула Таша.
- Таш, мы же приличные леди, и такие слова не употребляем, – поправила я подругу с улыбкой на лице.
- Просто я даже и представить себе не могла, что меня поймут. Даже не верится....
- И раз уже мы откровенничаем, хочу сказать, что третью часть ты немного... смазала. Видимо спешила поскорей закончить рассказ. В первой и во второй все герои и поступки описаны. У тебя очень хороший слог! А вот в третьей части нет такого красивого языка.
- Я подумаю и обязательно исправлю, – пообещала Таша. – Спасибо тебе, большое.
- Не за что. Я и сама удовольствие получила. Ещё дашь что-нибудь почитать?
- Всё остальное в ноутбуке, который я разбила об стенку когда уходила от мужа. Надо сдать его в ремонт и с жесткого диска списать всю информацию. Я займусь этим. Обещаю.

Потом Таша делала чебуреки и еле слышно напевала «Бесаме мучо», а я готовила салат из свежих овощей и думала о том, что моя подруга действительно талантлива, и что я сделаю всё, чтобы этот талант раскрыть.

Глава седьмая

В понедельник на моем мобильном телефоне высветилось имя звонившего – «Кирилл».

Ташка была рядом и сразу приказала мне:

– Ты занята. Просто занята и не говори чем.

Я подняла трубку:

– Да, я слушаю.

Таша уже стала стучать себя по голове и закатывать глаза. Видимо, я должна была сказать что-то вроде «Привет, перец!»

– Ириш, привет. Как дела? Что делаешь?

– Всё чики-пуки, – прошептала мне Таша в ухо, но я не очень хорошо услышала её речь, поэтому Кириллу ответила то, что мне показалось, что сказала мне Таша:

– Делаю чебуреки.

Подруга в это время опять закатила глаза и закрыла руками лицо.

– Давно не ел твоих чебуреков. Можешь угостишь?

Таша замотала руками, что ни в коем случае и прикрыв рукой телефон сказала:

– К тебе придут родители.

– Ко мне придут родители, – повторила я Кириллу.

– Ты помирилась с предками? – удивился бывший муж.

Таша удивленно посмотрела на меня, но закивала головой.

– Да.

– Поздравляю. Наверное, безумно счастлива?

Таша продолжала кивать головой.

– Да, – ответила я.

– Ладно, не буду мешать вашей идиллии, – произнес Кирилл и положил трубку.

Ташка похлопала меня по плечу в знак одобрения, что я справилась с задачей, но заметила:

– Чики-пуки – это не чебуреки.

Я кивнула, что знаю.

– А ты что, правда с предками в ссоре?

– Да, – призналась я.

– А чего?

– Из-за Кирилла. Они его не приняли.

– Ни фиги себе! Эту историю ты мне ещё не рассказывала.

Мне пришлось посвятить Ташу в свои семейные тайны, рассказать, что из-за Кирилла я перестала общаться со всеми родственниками, и признаться, что я очень скучаю за ними.

– Значит так, – приказным тоном произнесла Таша, – задача номер один – помириться с родителями.

– Как? Я почти восемь лет с ними не общалась.

– А сейчас будешь.

– Не смогу. Ну как? Что я возьму и приду к ним?

– Да, – спокойно ответила Таша.

– Я не смогу.

– Ладно. Давай пока отложим эту тему. Мне надо подумать, как всё устроить.

Я кивнула.

– Ну что, я права? Позвонил тебе твой Кирилл? Он через пару дней ещё раз позвонит. Или придёт.

– С вещами?

Таша замялась:

– Скорей всего нет. Но не потому, что не хочет вернуться. Он давно уже хочет, поверь мне. А с вещами он не придёт только потому, что заботится, что ты и его и вещи спустишь с пятого этажа. Ну, или не ты, а твой новый парень.

– Которого у меня нет.

– Но он же этого не знает! – воскликнула Таша.

– Если так – то всё очень хорошо, – обрадовалась я.

После работы мы направились покупать мне ролики.

– Я научу тебя кататься на них так, что твой муж вернётся к тебе именно по этой причине! – пообещала мне Таша.

И она очень прилежно выполняла свое обещание – сразу после работы мы направлялись в Лужники, где она учила меня кататься на роликах.

Скажу Вам, что это учение не из лёгких. Красиво отталкиваться и катиться вперед я научилась быстро. Но когда Таша стала учить меня кататься задом, приседать и крутиться я очень пожалела, что вообще решилась на эту учебу. Длилось она всего три дня. В четверг я чуть не поломала ногу и почти поломала средний палец на правой руке. Почти, потому что перелома не нашли, но поставили диагноз: трещина в проксимальной фаланге среднего пальца и наложили гипс. Вы когда-нибудь видели бизнес леди с гипсом на среднем пальце? Желаю Вам никогда этого не видеть. Хотя мой гипс веселил любого, кому выпадала честь познакомиться с моим средним пальцем, а вернее с его проксимальной фалангой, мне смешно не было.

Именно из-за этой фаланги мы отложили наши уроки по «катанию на роликах», но начали другие занятия: четверг и пятницу Таша учила меня «козырным» словам. Картина напоминала сцену из мультфильма «Простоквашино», когда Матроскин учил птичку приветственной речи: «Кто там?»

Только Таша меня учила совсем другим словам:

– Повтори: Твою мать!

– Не смогу. Это очень грубо. Давай что-нибудь не такое обидное, – капризничала я.

– Повтори, скажи: «Твою мать!»

– Твою мать, – еле слышно прошептала я.

– Громче! – кричала Таша, – ты оскорблена, понимаешь? Тебя подвели твои сотрудники, они не выполнили всё в срок, и теперь весь отдел будет сидеть без зарплаты.

– Твою мать! – повторила я громче.

– Молодец, а теперь представь себе, что твой подчиненный пришел вдрызг пьяный и обрыгался на твоих документах.

– Я его убью! – шепотом произнесла я.

– Твою мать! Вот, что ты должна сказать! Научу я тебя когда-нибудь этому или нет?

Рабочая неделя прошла, а Кирилл так и не позвонил. Таша уверила меня, что он позвонит в начале следующей недели. А в субботу с утра мы начали операцию «партизаны и Эдик». Название придумала Таша, она же меня в шесть утра разбудила и заставила поехать на моей машине к дому Эдика, чтобы подкараулить его, проследовать за ним в магазин и там познакомиться с ним.

Ждали мы Эдика целых три часа. Таша мне уже успела за это время все уши прожужжать как себя с ним вести. После того, как я пообещала ей не влюбляться в него, не любить его

в себя и вести себя как леди, она, как будто впервые, взглянула на мой загипсованный палец, и вскрикнула:

– А что же ты ему про свой палец расскажешь?

– Как это что? Всю правду.

– Я так и знала! Как чувствовала! Какую правду? Что ты бизнес вумен и катаешься на роликах?

– Что ты предлагаешь?

– Просто скажи, что упала. И всё. Никаких роликов!

– Хорошо.

– Давай порепетируем, – предложила Таша.

– Я всё помню.

– Давай, – захныкала она.

– Хорошо, давай, – согласилась я, потому что делать было действительно нечего.

– Вот я стою и выбираю йогурт, да? А ты такая подходишь и говоришь... – Таша сделала небольшой реверанс, ожидая моей реплики.

Я попыталась влиться в образ, сделала умный вид, в основном я делаю такой вид, когда общаюсь с клиентами, и сказала:

– Я Вам советую попробовать вот этот, соевый.

– Вам нравится соевый йогурт? – с легким английским акцентом произнесла Таша и поправила на себе воображаемые усы и бородку.

– У него что, есть усы и бородка? – спросила я.

– Есть, – шепотом ответила подруга, опять вжилась в образ Эдика и повторила: – Вам нравится соевый йогурт?

– Он очень полезный, – ответила я.

– Но Вам он нравится? – допрашивала меня Таша в образе Эдика.

– Да, – соврала я.

– Я Вам не верю, у вас на лбу написано, что Вы не любите соевый йогурт.

– Сомневаюсь, что Вы вообще умеете читать, – оскорбилась я и отвернулась.

– Я Вас обидел? Простите, не хотел.

Я повернулась к Таше, вернее к её образу:

– Да, может быть Вы и правы – я не люблю соевый йогурт. Но я предпочитаю здоровую и полезную пищу.

Таша, довольная, сжала кулаки, показывая мне, что ей нравится наш диалог, но потом сразу вошла в образ и, протянув мне руку, сказала:

– Эдвард Ван Дер Берг. Я из Южной Африки.

– Ирина.

Я протянула ему, то есть ей руку и Таша, слегка пожав её, с моим средним пальцем, замурованным в гипс, воскликнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.